

18 января состоялось расширенное заседание Ученого Совета Института этнографии АН СССР, посвященное итогам работы Института в 1989 г. и задачам научно-исследовательской деятельности на 1990 г.

Помимо сотрудников Института в заседаниях участвовали вице-президент Академии наук СССР академик В. Н. Кудрявцев, академик-секретарь Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко, заведующий отделом межнациональных отношений Президиума Верховного Совета СССР О. Д. Шишов, инструктор ЦК КПСС В. В. Клименко. Публикуем доклад директора Института этнографии АН СССР В. А. Тишкова и отчет ученого секретаря Института М. Ю. Мартиновой.

© 1990 г.

В. А. Тишков

ДОКЛАД НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАБОТЫ ИНСТИТУТА

В течение восьми месяцев после утверждения в должности я испытывал определенную тревогу по поводу предстоящего годового отчета и неоднократно задавал себе вопросы:

а) не слишком ли эмоционально обременительной для наших неискушенных в демократии и политике душ была выборная кампания в Институте, которая не должна, казалось бы, способствовать результативности труда наших научных сотрудников;

б) не слишком ли велики сегодня внешние нагрузки на жизнь ученого-интеллекта, которые требуют не только эмоций, но и физического времени, чтобы участвовать в общественной жизни в стране через прессу, телевидение и другие каналы и формы гражданского общения;

в) не скажутся ли отрицательно на работе сотрудников общие хозяйственные и социальные неурядицы в стране, падение дисциплины и заинтересованности в труде в сочетании с некоторыми новыми установками дирекции на принципы саморазвития науки, расширение самостоятельности ученых, ослабление «контрольных» функций со стороны «начальников» науки;

г) наконец, не было ясно, в какую сторону (энтузиазма или апатии) должен действовать на членов коллектива достаточно серьезный кризис отечественного гуманитарного знания, особенно его теоретико-методологических основ, а также «взбунтовавшийся» предмет нашей дисциплины, который многие десятилетия выглядел официально мирно, неизбежно убаюкивая сознание и части специалистов.

Должен сразу же сказать, что коллектив Института, а это 279 сотрудников в Москве и 164 — в Ленинграде, преподнес приятный сюрприз: никогда в истории Института не были столь существенны и разнообразны результаты деятельности и прежде всего — никогда в прошлом не выходило в свет столько книг в течение одного года. В 1989 г. опубликовано 39 плановых коллективных и индивидуальных монографий и сборников статей общим объемом 736 печатных листов и 24 внеплановых книги объемом 471 печатный лист. Это — безусловно выдающийся результат, и следует поздравить прежде всего авторов исследований с творческими успехами.

В 1989 г. было также завершено 26 плановых работ, среди которых ряд многообещающих будущих публикаций, хотя нельзя не отметить, что процесс их утверждения к печати Ученым советом еще зачастую носит формальный и поспешный характер без должной требовательности и апробации. Обнаруживается это, к сожалению, когда, попав в издательские планы и жесткий редакторский график, некоторые рукописи оказываются неподготовленными или вообще не сдают в издательство.

В кратком докладе нет возможности даже перечислить опубликованные и завершенные труды и охарактеризовать их вклад в науку. К тому же в последнем я вижу некоторую претензию со сто-

роны дирекции на монополию выносить суждения о значимости и качестве работ: в полной мере это могут сделать научная общественность и время. И тем не менее некоторый анализ нашей продукции в контексте развития этнологического знания и общественно-политической ситуации необходим.

Сначала об общих направлениях, которые отражают реальную ситуацию и реальные приоритеты. О ней дает представление следующая таблица.

Тематика книг Института этнографии АН СССР, вышедших в 1989 г.

	Москва	Ленинград
Общие проблемы этнографии и междисциплинарные исследования	10	1
Этнография народов СССР	14	3
Этнография зарубежных стран	5	2
Современные этнические процессы и межнациональные отношения	4	0
Итого	33	6

Как мы видим, на современные этнические процессы и межнациональные отношения приходится 10% книг в Москве и 0% в Ленинграде. Ленинградский «0» — не случайность, а устойчивая позиция, которая, на наш взгляд, должна быть преодолена при всем уважении к традиционно сложившемуся приоритетному интересу ленинградцев к историко-этнографическим сюжетам. Нельзя не отметить и сравнительно низкую продуктивность исследовательской деятельности части коллектива в Ленинграде. Даже тот дополнительный объем работ, который связан с хранением коллекций и деятельностью Музея антропологии и этнографии, не может объяснить столь малое число монографических исследований и 3—5 сборников статей, которые ежегодно выходят из-под пера почти ста ленинградских ученых.

Недостаточная отдача интеллектуального труда части коллектива — один из наиболее серьезных вопросов в деятельности Института. Это, возможно, не очень приятная для ленинградцев констатация, тем более, что академическое руководство в Ленинграде в справедливом стремлении улучшить положение и обеспечить самостоятельность научных учреждений, на наш взгляд, не вполне обоснованно придерживается противоположных оценок в сравнениях Москвы и Ленинграда.

Мне доставляет удовольствие сказать, что этнография народов СССР, т. е. отечественная тематика, занимала важнейшее место в 1989 г., и этот приоритет должен быть укреплен в дальнейшем. Причем в последние 3—5 лет есть качественный перелом в деле изучения крупных славянских народов и прежде всего русских. Это — конструктивный ответ на высказанные в свое время замечания в адрес Института со стороны Отделения истории АН СССР.

Отдел этнографии восточнославянских народов завершил издание целой серии монографий по истории и культуре русского народа; в 1989 г. вышли книги о городе и народных традициях русских, об общественном и семейном быте русских, по этнографии Петербурга и губернии, о севернорусском крестьянстве в XVII—XX вв., о женщинах Древней Руси. Подготовлены очередные сборники МАЭ и «Русский Север».

Опубликованы и завершены ценные исследования по этнической истории и традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана, Кавказа. В них освещены такие актуальные проблемы, как историко-культурные связи народов регионов, новое и традиционное в быту, характер и значение обрядов. Представляется, что даже в тематическом плане в наших работах по исторической этнографии было бы важно перенести внимание не столько на описание этнической группы, сколько на процессы взаимодействия культур, общность традиций и исторических судеб, особенно на уровне крупных регионов (Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Север, Поволжье). Изучением народов «изнутри» сейчас успешно занимаются этнографы в республиках, причем почти исключительно «главным», «коренным» народом. Мы также отдали этому достойное внимание в прошлом, и этот подход остается очень важным, особенно в процессе профессиональной подготовки этнографов.

Но ситуация изменилась. Специалистов по каждому народу Институт все равно не сможет иметь. В проблемно-тематическом плане сейчас должны быть три новых приоритета:

- а) общие и региональные процессы и явления;
- б) изучение малых групп и меньшинств, районов смешанного расселения;
- в) российская тематика и прежде всего этнография русского народа.

Наша традиция и профессиональный долг — изучение народов Крайнего Севера и Сибири. Большое событие года — выход в библиотеке этнографической классики труда В. В. Радлова «Из Сибири» с обстоятельными комментариями. На очереди издание в этой же серии книги В. Г. Тан-Богораз «Из Сибири. Страницы дневника». Завершены работа «Народы Севера СССР в 60—80-е годы» и сборник по традиционной обрядности и мировоззрению народов Севера. Вышло в свет высоко оцененное конкурсной комиссией исследование И. И. Крупника «Арктическая этноэкология». В Отделе антропологии прежде всего благодаря героическому труду Г. М. Афанасьевой завершено крупное исследование по нганасанам. Но здесь есть серьезные проблемы и долги. Сейчас главное — профессиональная помощь самим народам, переживающим трудные, кризисные времена. Нужно противостоять коммерческим тенденциям, связанным с открытием районов для иност-

ранцев и деятельностью кооперативов. На культуре северных народов начинают наживаться разного рода предприимчивые люди, о чем свидетельствует полученное мною из Тулы письмо от руководителя кооператива «Экокультура» с предложением приобрести через его посредничество предметы северного ремесла. Необходимо организовать в ходе экспедиционных выездов профессиональный сбор предметов современного быта и ремесла народов нашей страны для пополнения музейных этнографических коллекций и создания обменных фондов.

Другая важная проблема — это трудное изживание патернализма в отношении северных народов, которое продолжает господствовать в государственно-политических структурах и сохраняется, к сожалению, и в некоторых наших разработках. Все программы и рекомендации в этой области должны непременно исходить из того, какое место в них занимают ответственность и инициатива, осознанное участие и заинтересованность самих народов. Иначе наши очередные «концепции» постигнет печальная участь, как это уже неоднократно бывало в прошлом.

Представляется, что сейчас наряду с сохранением и возрождением деградирующих культур малочисленных народов, сохраняющих многие черты традиционных систем жизнеобеспечения, не менее важной является задача оказания помощи со стороны ученых в формировании общественно-политических структур и систем самоуправления среди тех, кто должен взять в руки свою собственную судьбу и определить пути и условия будущего развития. В частности, Институт сейчас приступил к важной работе по определению территорий традиционного жизнеобеспечения северных народов, обобщению зарубежного опыта хозяйствования и самоуправления, что могло бы оказать реальную помощь в обеспечении их прав и преодолению кризисных процессов.

В Отделе Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера вышли в свет или завершены разработки по проблемам современной сельской и городской семьи в Литве, по двуязычию и многоязычию национальных групп. Проблемам семьи посвящена работа Отдела этносоциологии по национально-смешанным бракам. Сектор социально-психологических проблем национальных отношений выполнил исследования по вопросам роста национального самосознания у народов СССР.

По зарубежной тематике следует отметить новые исследования проблем семьи у народов Западной Европы и Америки, календарных обычаев и обрядов народов Восточной Азии, разных этапов этнической истории Европы, закономерностей формирования китайского этноса, опыта автономизации и национального развития у народов Испании. Последний сюжет представляется одним из перспективных в исследовательской тематике Института. Кризис советской федерации, потребность в отказе от неприятия «других порядков» сейчас настоятельно диктуют необходимость глубокого и заинтересованного изучения опыта автономий, федераций и регулирования межэтнических отношений и конфликтов в зарубежном мире. Такое исследование сейчас выполняется в Институте и должно быть завершено в 1990 г.

Еще одна перспективная тема исследований зарубежных стран это история и современный статус выходцев из СССР. Изучение культуры миллионов наших соотечественников за рубежом — давний долг советских ученых, и здесь следует подумать о какой-то цельной программе, возможно в кооперации с учеными других институтов и зарубежными коллегами.

По проблемам ранней истории человечества к известному трехтомному труду «История первобытного общества» в 1989 г. добавились монографии В. А. Шнирельмана о возникновении производящего хозяйства (книга признана одной из трех лучших книг года) и К. П. Калиновской о скотоводстве у народов Восточной Африки, а также завершенные исследования В. Р. Кабо о происхождении религии и Б. А. Фролова о первобытной графике Европы.

Исследования по первобытности, выполняемые в Институте, издавна отличаются высоким теоретическим уровнем, хотя свойственное советскому обществоведению нормативное и детерминистское понимание исторической эволюции в жестком формационном контексте все яснее проявляет свою ограничительную роль в выработке более гибких интегративных подходов с учетом социальных, биологических, экосистемных факторов, адаптивных механизмов культурных систем, многовариантности путей человеческой эволюции.

В разработке теории наряду с накоплением эмпирического материала лежит главный путь получения нового знания. В Институте теоретическим разработкам всегда уделялось приоритетное внимание, хотя довольно часто теоретические поиски канализировались схоластическими понятийно-терминологическими дискуссиями, слабо основанными на первичном материале, но зато связанными с официальными постулатами государственно-правовой практики и национальной политики в нашем государстве.

В 1989 г. вышла в свет книга С. А. Арутюнова «Народы и культуры. Развитие и взаимодействие» (признана лучшей книгой года), которая вместе с работами Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова и других, как бы подводит итог лучшим теоретическим разработкам 60—80-х гг. в советской этнографии. Представляется, что очередной теоретический «прорыв» сейчас возможен на путях преодоления позитивистского мышления и упрощающей суть вещей теории отражения, свойственных марксистско-ленинскому обществознанию. Введение в теоретический арсенал лучших достижений новейшей западной философской антропологии, в том числе «символической антропологии» К. Гирца и М. Салинса, «дискурсивного анализа» М. Фуко и многих других мало известных нашим ученым авторов, помогло бы глубже проникнуть в мир «слов и вещей», деабсолютизировать объективную реальность, в том числе в виде типов этносоциальных организмов, снизить претензии на их безусловное познание и адекватное отражение в категориях и терминах. Вместо террора дефиниций было бы более плодотворно высвободить слово для описания сложного взаимодействия (не только отражения!) объективного и субъективного, реального и ирреального, и, наконец, этнографа и информатора. Важно понять не только что мы познаем, но и то, как мы познаем, как рождается знание в мире нашей дисциплины. Нам нужна этнография этнологической теории, т. е. анализ самого «ри-

туала» этнографического исследования. Достижения и подходы таких новейших дисциплин как эпистемология и герменевтика могут быть здесь чрезвычайно полезными.

В теоретической работе было бы полезно отказаться не только от обязательной «прописки» всех ученых-гуманитариев по единой методологии, но и от ритуального поклонения одной дисциплинарной метатеории, имеющей тенденцию к мумификации и застою без постоянных внешних вызовов. Раскованность и неортодоксальность мысли, видимо, сейчас важнее ригоризма нашего языка прошлых десятилетий.

Просматривая опубликованные труды, обнаруживаешь еще одну примечательную особенность — это незнание или игнорирование лучших работ наших зарубежных коллег по той же самой тематике. Приведу для примера безусловно интересный сборник статей «Этнографическое изучение знаковых средств культуры» под редакцией А. С. Мыльникова. По этому направлению существует огромная литература, в последние 15—20 лет велись яркие дискуссии, но, к сожалению, всю библиографию сборника можно вместить в два — три десятка русскоязычных названий.

Даже историографические труды, я имею в виду прежде всего вышедший том «Этнология в США и Канаде», грешат запоздалым энтузиазмом критиков в отношении трудов и концепций, которым уже по 20—30 лет и которые давно не определяют интеллектуальный климат в нашей профессии.

В преодолении некоторой периферийности, оторванности от общего потока мирового этнологического знания нам должны помочь не только изменение общей ситуации в советском обществоведении, но и целенаправленность усилий по расширению разнообразных международных контактов ученых (особенно на личностно-индивидуальном уровне), по языковой подготовке сотрудников (особенно по английскому и французскому языкам), по переводам и изданиям лучших работ современных зарубежных авторов.

Если говорить о некоторых перспективных начинаниях, то хотелось бы выделить прежде всего — начатую в 1989 г. работу по подготовке серии трудов «Народы Советского Союза». Основной смысл этого крупного проекта заключается не в привычном «обобщающем» характере нового издания, а прежде всего в выполнении новых исследований, особенно по советскому периоду, в получении подлинно нового знания и в раскрытии исторической правды о сложных судьбах народов нашей страны. Нам следовало бы осознать ту истину, что XX век в многовековой этнической истории наших народов был по своим пертурбациям, воздействиям и последствиям не менее, а скорее более значимым, чем века массовых переселений народов и завоеваний. Создание такого труда дает возможность привлечь к подлинному творческому сотрудничеству лучших специалистов всей страны, без навязывания им нормативно-канонических подходов и трактовок.

В обстановке внутренних реформ и кризиса в сфере межнациональных отношений в стране в деятельности Института многое изменилось. Впервые голос этнографов зазвучал столь отчетливо в нашем обществе, которое, можно сказать, открыло для себя существование такой дисциплины. В проблеме «этнограф и общество» я бы выделил несколько основных направлений.

Первое — это расширение консультативно-информационной работы, предназначенной не только для «верхов», но и для самих народов и рождающихся в их среде общественно-политических структур. В 1989 г. ряд ведущих специалистов участвовали в качестве консультантов и экспертов в работе съездов народных депутатов СССР, заседаниях Верховного Совета и его комиссий, оказывали практическую помощь Совету Министров СССР и Совету Министров РСФСР при решении вопросов о восстановлении автономий, определении этнических территорий народов, создании ассоциаций, решении проблем беженцев и т. д. Для отделов ЦК КПСС были подготовлены некоторые информационные материалы, а также выработаны предложения по таким важнейшим документам, как Постановление Сентябрьского Пленума ЦК КПСС и Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». Расширились связи ученых Института с лидерами и активистами национальных движений, культурных обществ и ассоциаций.

Здесь нужно избежать двух крайностей. С одной стороны, безоглядной и поспешной готовности в «сжатые сроки» после просьб «по звонку» сверху «изготавливать» некие безликие позиции по очередным партийным и государственным документам и проектам без возможности прямого и персонального ответственного участия специалистов, хотя бы в процессе выработки и обсуждения (пусть не принятия!) важнейших решений. С другой стороны, столь же противоречит профессиональной этике ученого политическая деятельность в узких рамках «этнического лобби», неосторожное использование интеллектуального оружия, которое может способствовать появлению сотен тысяч беженцев и кровавым столкновениям. В итоге несчастным, без крова и надежды жертвам националистического безумия перепадает не более чем сочувствие со стороны тех, кто не только сохранил свой очаг и статус, но и обрел громкую популярность.

Второе — это культурно-просветительская работа. Как выяснилось, в стране нашей люди плохо знают друг друга, оживились ксенофобия и нетерпимость. Гуманистическая миссия ученого, изучающего культуру народов, в этой ситуации — как можно активнее выступать перед массовыми аудиториями, создавать работы, рассчитанные на массового читателя.

Созданный по решению ЦК КПСС Центр по изучению национальных отношений при секции общественных наук Президиума АН СССР, к сожалению, с трудом разворачивает свою деятельность, несмотря на огромную потребность страны в анализе межнациональных отношений и то, что факт создания центра уже достаточно известен научной общественности.

В 1989 г. Центру удалось издать сборник «Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР», подготовлена к печати серия сборников «Гражданские движения в республиках».

Не хотелось бы, чтобы деятельность Центра уподоблялась стилю работы академических институтов, готовящих свои издания в течение нескольких лет. Центру требуются более оперативные издания.

Об издательских делах. Здесь есть некоторые позитивные перемены. Уже второй год подряд редакция этнографической литературы Издательства «Наука» выпускает в свет все попавшие в план работы, причем в улучшенном оформлении. Продолжается наше доброе сотрудничество с Редакцией восточной литературы. Наладился выпуск небольших монографий и сборников на ротапринте Отделения истории. Большую работу проделала С. Н. Квашнина, чтобы обеспечить подготовку трудов к изданию.

Какие здесь проблемы? Это, во-первых, своевременная и качественная подготовка трудов и процедура их утверждения, включая квалифицированное обсуждение на секторах, рецензирование. Здесь должна быть повышена индивидуальная ответственность авторов и заведующих отделами, а также рецензентов. При нынешних более жестких требованиях со стороны издательства мы должны исключить случаи, когда утвержденные и включенные в план рукописи на самом деле оказываются неготовыми и вовремя не сдаются в редакцию, как это произошло в 1989 г. с книгами С. И. Вайнштейна, В. Н. Басилова, А. А. Сусоколова, А. М. Решетова. Институт в результате теряет листаж, и без того ограниченный, а дирекция втягивается в изнурительные тяжбы с НИСО, издательством и самими авторами.

Во-вторых, это неоправданное сокращение общего листажу Института, волонтаристское и неквалифицированное исключение из планов уже утвержденных трудов. 300 научных сотрудников не могут иметь 300 п. л. в год, что означает прежде всего стоимость 1 п. л. примерно в размере средней годовой заработной платы, т. е. около 3 тысяч рублей. Такие подразделения, как, например, этноархеология, не могут издать хотя бы одну книгу в 2—3 года и это при еще более высокой стоимости выполняемых ими исследований. Некоторые авторы годами ждут выхода своих монографий. Хотелось бы надеяться, что Отделение истории более внимательно отнесется к этой проблеме, тем более, что оно изыскало возможность увеличить свой собственный лимит для изданий почти в три раза.

В-третьих, нам необходимо расширить контакты с другими издательствами, прежде всего с «Мыслью» и «Политиздатом», «Прогрессом». Кое-что дирекция уже сделала, но это и вопрос личной инициативы.

Наконец, нужно больше заботиться о рекламе наших книг, тиражах, рецензировании в научной и общественно-политической печати.

В связи с этим хочу сказать, что Институту необходима действительно хорошая библиотека с основными справочными и классическими изданиями, научной, в том числе иностранной периодикой. Но в этой же связи не могу не сказать и следующего. Даже те немногие зарубежные научные журналы, которые приходят в библиотеку, стоят месяцами и годами с формуларами, в которых всего 1—3 отметки с фамилиями читателей.

О журнале «Советская этнография», в адрес которого мною уже высказывались замечания. В 1989 г. есть явные перемены к лучшему. Появилась рубрика «Национальные процессы сегодня». Но журнал, как и в целом советская этнография все еще недостаточно включен в мировую науку: т. н. «Хроники» недостаточно проблемны, рецензии подчас незаслуженно комплиментарны, мало печатаются иностранные авторы, в отделе рецензий много случайного. Отделы Института, видимо, не чувствуют своей ответственности за журнал — орган Института этнографии АН СССР. Недостаточно рецензий на зарубежную литературу, в том числе на работы, оказавшие мощное влияние на развитие нашей науки.

Огромная и большая проблема — это проблема кадров. Низкий статус нашей науки в обществе и в системе АН СССР привел прежде всего к тому, что даже общее число этнологов в стране в десятки раз меньше, чем в США, и в несколько раз меньше, чем в других развитых странах. Недостаток специалистов особенно по народам СССР и межнациональным отношениям критически проявился в самое последнее время.

Институт на сегодня является основным средоточием наиболее квалифицированных специалистов, за плечами которых десятки лет работы среди изучаемых народов, в том числе в полевых условиях, а не парадные визиты в республики с проживанием в правительственных резиденциях и с торжественным надеванием халатов. Этот коллектив, состоящий из двух органично связанных частей, безусловно должен быть сохранен как минимум в его нынешней численности и как единое целое, как бы ни была сильна потребность в специалистах-этнологах во вновь создаваемых подразделениях в аппарате Верховного Совета СССР и ЦК КПСС, а также в связи с предполагаемым созданием нового института по изучению межнациональных отношений.

Из кадровых вопросов я бы выделил три наиболее главных:

а) обновление, главным образом омоложение кадров. Это трудная проблема и не только для Института, но и для всего нашего общества из-за низкого жизненного уровня граждан и их слабой социальной обеспеченности. Сейчас средний возраст всех сотрудников 46 лет, средний возраст научных сотрудников 52 года. За 1989 г. Институт «помолодел» на 1 год. 9 сотрудников ушли на пенсию, из них три доктора наук были оформлены консультантами. Институт ищет формы сотрудничества с пенсионерами на договорных или других началах.

Ясно одно, что без абсолютного четкого и единого для всех возрастного принципа ухода на пенсию обновление коллектива невозможно. Общественные организации (партийная и профсоюзная) занимают в этом вопросе также вполне определенную позицию, единую с позицией дирекции, и даже справедливо критикуют последнюю за некоторые уступки.

Как и кем должны заполняться освобождаемые вакансии? Здесь, на наш взгляд, два пути. Один — приглашение в Институт ярких, талантливых исследователей, которые уже проявили себя,

имеют большой творческий потенциал, могут повысить престиж Института и способствовать развитию нашей науки. До сих пор этот путь в Институте использовался слабо; среди зачисляемых (кроме аспирантов) были молодые люди без профессиональной подготовки и особых достоинств, но имевшие ту или иную форму протекции. В 1989 г. мы зачислили трех известных специалистов (И. Г. Косиков, Е. С. Новик, И. И. Пейрос) и эта линия будет продолжена, хотя она вызывает иногда сопротивление со стороны некоторых сотрудников, обуреваемых заботой как бы «не испортить коллектив», за которой легко просматриваются боязнь утратить состояние комфортной инертности, секторальный секуляризм или совсем далекие от подлинной интеллигентности мотивы. Двойной стандарт.

Второй путь — это зачисление молодых специалистов, главным образом через аспирантуру. И здесь мы подходим ко второй проблеме: подготовка молодых кадров.

Как известно, в Институте действует аспирантура. В 1989 г. обучение проходили 82 чел. (63 в Москве и 19 в Ленинграде), из них соответственно 30 и 11 с отрывом от производства. Более 90% обучаются в целевой аспирантуре, подготавливающей кадры главным образом для научных учреждений республик. Кстати, нынешние кадры этнологов страны фактически подготовлены в нашем Институте: среди них и народный депутат СССР (Е. А. Гаер), и наиболее авторитетные специалисты научных учреждений в республиках, лидеры и теоретики национальных движений. В их числе и активисты националистических организаций. Последнее — предмет озабоченности и размышлений. Видимо, этот вопрос следует проанализировать внимательнее и стремиться при подготовке кадров высшей квалификации для страны прививать им наряду с профессиональными знаниями и определенные профессионально-этические нормы, которые обеспечивали бы иммунитет от националистической заангажированности научной интеллигенции, ставили бы для ученого служение истине выше, чем одержимость национальной идеей. Кстати, это касается не только молодых кадров, но и всех этнологов, в том числе и нашего многонационального коллектива, в котором работают представители 21 национальности.

Главная проблема аспирантуры — подготовка кадров для Института. Мы зачисляем мизерное количество: в два — три раза меньше, чем могли бы ежегодно брать на работу при нормальном процессе обновления кадров, о котором я говорил выше. В 1989 г. в основную очную аспирантуру принято два аспиранта в Москве и два в Ленинграде. Аспирантуру необходимо расширить в два — три раза (имея в виду основную для Института). Но не меньшая проблема — это отсутствие желающих из числа способных молодых людей проходить подготовку в аспирантуре Института. В 1989 г. на три места было три заявления: видимо, это единственный гуманитарный академический институт со столь низким престижем предлагаемой научной карьеры.

Но печочка фактически начинается на первом-втором курсах исторического факультета МГУ, когда при определении студентами своей специализации кафедре этнографии достается далеко не самый сильный контингент, из которого в конечном итоге вырастает очень малое число молодых людей, способных к дальнейшей научной работе. Сказывается имидж дисциплины как занимающейся маловажными, малоинтересными и недостаточно перспективными проблемами. Последний учебник по этнографии представляет собою устаревший и просто слабый текст, который может скорее опугнуть, чем привлечь студентов к данной профессии. Не менее архаично и содержание этнографической подготовки на кафедре. Попытка В. В. Пименова что-либо изменить посредством дискуссии на страницах «Советской этнографии» встретила «охранительную», догматическую отповедь со стороны его коллег по кафедре.

Однако вопрос этот — не внутреннее дело кафедры и даже не Государственного комитета по образованию СССР, который сравнительно недавно ответил вместе с ВАКом СССР на вопрос молодого человека как стать этнологом, специалистом по народам и межнациональным отношениям, что такой специальности нет. Чтобы обеспечить нашу науку кадрами, необходимо конституировать ее в обновленном облике и поднять статус и престиж в системе высшего образования.

Наряду с решением ученого совета о переименовании Института мы вносим предложение создать на историческом факультете МГУ отделение этнологии и социально-культурной антропологии с активным участием ведущих ученых Института в разработке его программ и в процессе преподавания.

Необходимо отобрать группу наиболее способных студентов и начать совместно с кафедрой их целенаправленную подготовку для работы в Институте.

Нужно написать не один, а два — три новых учебника.

Пока же все наше сотрудничество долгие годы сводилось к работе на полставки директора Института на кафедре и зав. кафедрой в Институте.

В аспирантскую подготовку было бы желательно ввести длительные (от 6 мес. до года) полевые исследования среди изучаемых групп с обязательным овладением их языком.

В новом пополнении хорошо подготовленных, интеллектуально свободных, преданных избранной профессии молодых людей видится мне будущее нашей науки и Института.

Проблема научной молодежи и профессионального роста — третья кадровая проблема. Долгие годы этот рост по ряду причин сдерживался. На защиту докторских и кандидатских диссертаций выстроилась очередь. В то же время оба совета Института затрачивают основные свои усилия на защиту не институтских соискателей. В 1989 г. из пяти докторских — две из Института, из 19 кандидатских — две из Института.

В 1989 г. была проведена большая работа по аттестации сотрудников (был повышен статус 23 чел.). В январе 1990 г. — еще 20 чел. идут на переаттестацию.

Эта работа связана с повышением должностных окладов. В 1989 г. были повышены оклады 94 из 208 научных сотрудников (45%). И здесь я перехожу к одному из очень важных вопросов в жизни нашего коллектива — материальному обеспечению и стимулированию труда. Как известно,

заработная плата научных сотрудников десятилетиями не повышалась, и на сегодняшний день ситуация достигла критического предела. По сути мы имеем дело с люмпенизацией и обнищанием ученых в системе АН СССР (за исключением 0,5% научных сотрудников, которые имеют звания академиков и членов-корреспондентов). Из 200 научных сотрудников (не считая 12 консультантов) 102 получают заработную плату до 230 рублей в месяц, большинство из них кандидаты наук.

Положение стало еще более несправедливым после повышения окладов работникам высшей школы и просто нетерпимым в свете повышения окладов работникам аппарата Президиума АН СССР (хотя бы и из «внутренних резервов», но все равно за счет общеакадемического бюджета, т. е. институтичных бюджетов). Аппарат разрастается, увеличивает свое пространство и ведет себя все более равнодушно по отношению к интересам научных коллективов и отдельных ученых. После переезда в новое здание, только для обслуживания которого необходимо 700 человек, его самооправдательное поведение будет еще более агрессивным.

Но даже в этой неблагоприятной ситуации у Института есть возможность увеличить размеры и разнообразить формы материальной оплаты труда ученых. Одна из них, наиболее перспективная и оправданная мировой практикой развития науки, — участие ученых, коллектива в целом в разработке приоритетных научных программ и выполнении договорных, заказных исследований.

1989 г. был в этом отношении примечательным. Во-первых, мы впервые коллегиально определили список приоритетных работ Института и весь фонд денежных надбавок был передан руководителям этих работ и распределен только среди их участников. Эта система сохранена нами и на 1990 год. Помимо существовавшего в предыдущие годы договора по охраняемым археологическим работам, который сотрудников Института почти не касался, мы получили финансирование 7 научно-исследовательских проектов по общеакадемической программе «Человек, наука, общество» на общую сумму 52 тыс. рублей и заключили договор с Комитетом советских женщин на 50 тыс. рублей для исследования положения женщин в разных регионах и республиках, которое было в 1989 г. и завершено. Отделение истории поддержало один межинститутский проект на сумму 8 тыс. рублей и в конце года сообщило, что окажет поддержку еще одному проекту. Остальные наши заявки, в том числе чрезвычайно, на наш взгляд, важные с научной и общественно-политической точки зрения, поддержки не получили. Нам бы хотелось знать, с какими более насущными и престижными проектами и работами предложения этнографов не выдержали конкуренции, и рассчитывать на более внимательное и объективное отношение в будущем. Можно сколько угодно заниматься обсуждением межнациональных проблем на различных уровнях в системе АН СССР, выражать озабоченность по поводу ситуации в стране, но без конкретной поддержки, без определенного маневра в стратегии научной политики (чем и должны заниматься руководящие органы), видимо, не обойтись.

Недавно президент Американской антропологической ассоциации Р. Рапппорт сказал мне: «У нас сейчас, конечно, трудные времена, но зато вы теперь должны купаться в деньгах, как это было в США в 60-е годы в период этнических движений и расовых конфликтов, когда на выделенные особые ассигнования были созданы десятки новых научных центров и выполнены сотни исследований». Наивный президент недооценил силу нашей бюрократической инерции, группового и личного эгоизма, недостаток гражданской ответственности тех, кто имеет отношение к определению научной политики, а также узкий кругозор и самонадеянность тех, кто, казалось бы, отчаянно нуждается в знаниях и рекомендациях ученых.

А вот конгресс США сделал так: выделил в 1988 г. для исследовательской службы 150 тыс. долларов для выполнения аналитических обзоров о состоянии национальных проблем в СССР и уже имеется обзор, который был мною получен в ноябре прошлого года, когда мы проводили семинар для сотрудников конгресса по данному вопросу. Нам также известно, что президент США Буш имел беседу с этнологами — специалистами по Советскому Союзу.

Новая научная политика, переход, даже частичный, на систему грантов и приоритетного финансирования ставят перед коллективом и АН СССР в целом ряд новых и непростых проблем. Во-первых, должна быть более четкой и гласной процедура и возможности получения грантов, более строгий, независимой и даже анонимной система экспертных оценок, обязательное обнародование (через научные журналы или бюллетени) списка выделенных субсидий с темами, авторами, суммами и сроками исполнения. Это — лучшая форма контроля за их надлежащим использованием: невыполнение проекта или низкий уровень работы обычно лишают возможности получения новых субсидий. У себя в Институте такую же систему мы распространим и на приоритетные работы.

Во-вторых, порядок распределения и использования средств пока еще только складывается: одни на всю сумму установили надбавку к собственной зарплате, другие — выплатили в виде авансовых субсидий, третьи — финансировали экспедиционные, издательские и другие расходы, связанные с организационной работой. Я против жесткой процедуры распределения этих средств: их хозяин — прежде всего руководитель проекта, но некоторые вопросы все же должны быть решены, а именно, какие работы носят плановый характер.

В-третьих, меня настораживает, что среди получателей первых академических грантов в первых рядах оказались те, кто по идее является их распределителем и должен был бы воздерживаться от получения субсидий. По крайней мере, такова мировая практика. Думаю, что общеакадемические и отделенческие субсидии не должны распространяться на членов Отделения, а институтские — на руководящих лиц в Институте. Нужно дать дорогу «рядовым» научным сотрудникам, прежде всего из числа молодых. Не нужно брать пример с членов Президиума АН СССР, которые уже несколько десятков лет присуждают высшую награду Академии почти исключительно самим себе.

В-четвертых, новая система заключает в себе ряд возможных негативных аспектов. Более энергичные и настойчивые, умеющие «подать» свой проект или использовать связи в научной среде (а они

у нас по своей тесноте самые высокие в мире: вся историческая наука страны в одном здании на четырех этажах) могут быть всегда впереди, отеснив более скромных и менее организованных (но от этого не менее талантливых) исследователей. Более эффективные и сулящие немедленную прикладную «котдачу» работы могут оттеснить кажущиеся отвлеченными и менее политизированными проекты и темы. Здесь нужны широта подходов и определенная мудрость, понимание характера и значения научных исследований. Кстати, главные ассигнования на шекспироведение в США поступают от фондов Рокфеллера и Карнеги, а на этнологию — от фондов Макартура, Форда и Гугенгейма.

Советские этнологи и антропологи в числе немногих, кто не пользуется международными источниками финансирования исследований. В 1989 г. мною проведены переговоры с руководством фонда Веннер-Грени и осуществлены некоторые другие контакты, но в принципе вся эта система действует на индивидуальной основе. Задача группы по обеспечению международных связей — дать ученым информацию и оказать необходимое содействие. В ближайшее время дирекция проведет семинар на тему, как действует система грантов в антропологии и как получить финансирование.

Есть перспективы некоторых субсидий по линии ЮНЕСКО Секции общественных наук АН СССР, в том числе специально для молодых ученых.

Все это, возможно, вызовет у некоторых членов коллектива известную настороженность и скептицизм, а также опасение, не наступают ли времена коммерциализации науки и не кончатся ли времена спокойных и углубленных академических штудий. Хотел бы в этой связи напомнить историю нашей науки: Н. Н. Миклухо-Маклай и Б. Малиновский, В. Г. Тан-Богораз и Ф. Боас — наши классики очень много занимались финансовыми вопросами, а Малиновскому до сих пор коллеги историографы не могут простить, что он в свое время монополизировал почти все средства на этнологические исследования в Африке. Это только мы с вами за последние полвека разучились материально обеспечивать реализацию своих планов и идей, а заодно и свое собственное благополучие. Вообще уравниловка и ожидания перемен сверху лежали в основе поведения ученого, порождая апатию и научный долготрой, психологию зависимости и интеллектуальной покорности. При этом процветала далеко не всегда обусловленная талантами и трудолюбием профессиональная иерархия, фактическая эксплуатация имеющими должности и звания тех, кто их не имеет, лодырями и посредственностями тех, кто безуданно и плодотворно работает.

Как найти эту новую, свободную систему взаимосвязей и взаимодействия ученых, обеспечить должное вознаграждение за должный труд, поддержать творчество и трудолюбие, изжить паразитизм и научное бесплодие — это задача не менее трудная, чем уже фактически состоявшаяся интеллектуальная свобода.

В докладе, возможно, есть резкие и обостренные оценки и выражения. Я намеренно старался избежать благодушия и того, чтобы использовать трибуну для личной дипломатии. Критические замечания в адрес коллег по Институту, я уверен, будут восприняты ими должным образом, и мы найдем понимание во взаимном повседневном диалоге. Что касается замечаний в адрес «вышестоящих инстанций», то я также надеюсь, что они будут восприняты с пониманием и не получат оценку «демагогических» и «неконструктивных», как это было сделано недавно на встрече с Президентом АН СССР.

Этот доклад писался в те два вечера, когда шли сообщения из Армении и Азербайджана, имеющие ко мне и ко всем этнографам гораздо большее отношение, чем к какому-либо другому отряду академических обществоведов. И уже только это не давало права на равнодушие и ублаживающе-заискивающий тон.

© 1990 г.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1989 ГОДУ

В 1989 г. сотрудниками Института этнографии АН СССР опубликовано 39 плановых книг, общим объемом 736,2 печ. л. и 24 внеплановых книги объемом 471,6 п. л. Утверждено к печати 26 работ.

Основная научная работа Института велась в рамках комплексных программ Отделения истории АН СССР: «Этническая история и современные национальные процессы», «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса», «История мировой культуры», «Роль религий в истории», а также программы АН СССР «Человек, наука, общество: комплексные исследования».

Как и в прошлые годы, большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Совместно с учеными ГДР опубликован третий выпуск коллективного труда «Свод этнографических понятий и терминов» — «Материальная культура» (13,8 печ. л., отв. ред. С. А. Арутюнов). Вышли в свет ежегодники «Расы и народы» № 19 (отв. ред. С. И. Брук), «Религии мира. История и современность» (20 печ. л., отв. ред. Б.-Р. Логашова), историографические работы «Этнология в США и Канаде» (27 п. л., отв. ред. В. А. Тишков, Е. А. Веселкин), «Зарубежная этнография глазами советских ученых» (10 п. л., отв. ред. Е. А. Веселкин, С. Я. Козлов).